

~ 1 ~

Жёны-убийцы

Кто хочет узнать, как отправить на тот свет постылого супруга, пусть спросит госпожу Цайглер. Госпожа Цайглер — это наша помощница по хозяйству, эксперт в области чистки напольных покрытий, удаления пятен и устранения ворчливых мужей. Каждый вечер ровно в семнадцать ноль-ноль, переделав все дела, она с коробкой конфет устраивается поудобнее на нашем диване, чтобы посмотреть подряд две серии «Жён-убийц» — сплошь детективные истории, основанные на реальных событиях.

Я не особо интересуюсь выведением пятен и чисткой напольных покрытий, зато всякими преступлениями — даже очень. Поэтому

«Жён-убийц» мы с госпожой Цайглер всегда смотрим вместе. Жёны мочат своих мужей по одному на серию. Каждый раз хитро и коварно, часто каким-нибудь тупым предметом, а случается и током. Однажды — даже садовым измельчителем.

В сегодняшней серии в дело идёт яд... «Когда поздно вечером седьмого ноября 2016 года Норберт Кюммерлинг возвращается домой, жена Гундула встречает его чашкой какао», — раздаётся в телевизоре голос за кадром. На экране именно это и показывают: Норберт Кюммерлинг и его жена Гундула обмениваются беглым поцелуем, она забирает у него пальто и портфель, ведёт в гостиную и приносит ему какао со сливками.

— Они там на телевидении что, всех зрителей идиотами считают? — спрашиваю я. — Зачем комментировать, когда и так всё видно?

— Ш-ш-ш! — шипит госпожа Цайглер, запихивая в рот конфету и не отводя глаз от экрана, откуда теперь слышится мрачная зловещая музыка.

«Норберт Кюммерлинг и не подозревает, что это последнее какао в его жизни», — провозглашает гробовой голос за кадром, а в это время господин Кюммерлинг с простодуш-

ным выражением лица делает маленький глоток и, поморщившись, зовёт: «Гундула! Мопсик! Вкус у какао какой-то необычный».

«Потому что сегодня я приготовила его с особым чувством!» — заливается из кухни его супруга.

«Ах вот оно что, — говорит Норберт и, сделав ещё глоток, с отвращением кривится. — Нет, серьёзно, мопсик, сливки испортились. Ты опять на срок годности не... — На середине фразы он замолкает и, выпучив глаза и судорожно заглатывая ртом воздух, хватается за шею. Лицо его искажается, чашка, выскользнув из рук, разбивается на паркете, какао разбрызгивается во все стороны. Норберт Кюммерлинг, хрипя, сползает с кресла и, не издав больше ни звука, остаётся неподвижно лежать на полу.

Госпожа Кюммерлинг заходит в гостиную и, смерив безжизненное тело супруга мрачным взглядом, говорит: «Тридцать лет подряд каждый вечер я подавала тебе это дурацкое какао. Ты хотя бы раз сказал мне спасибо? Нет. Ты никогда ни за что не благодарил, Норберт. Только брюзжал. И называл меня мопсиком. За это и получил! Так-то!»

Затем она хладнокровно вытирает брызги какао, ненадолго исчезает на кухне, возвра-

щается с полиэтиленовой плёнкой и заворачивает в неё мёртвого супруга.

— Яд в какао. Не так уж и глупо! — выносит вердикт госпожа Цайглер, позволяя себе ещё одну шоколадную конфету с ореховой начинкой. — Эту жену и не обвинишь. Если муж только и делает, что брюзжит, пусть потом не удивляется. А «мопсик» так вообще ни в какие ворота не лезет.

Иной раз я задаюсь вопросом: откуда у госпожи Цайглер такой живой интерес к жёнам-убийцам? Может, ей нужны идеи или толчок? Будь она моей женой, я бы на всякий случай воздерживалась от любой критики.

Госпожа Цайглер маленькая и сильная, с румяными щеками и причёской, напоминающей корщётку. Она не из тех жён, которые травят своих мужей. Скорее из тех, кто решительно лупит сковородкой. Вообще-то госпожа Цайглер приходит всего два раза в неделю, чтобы навести в нашем хозяйстве порядок. Но когда папа с мамой в разъездах, она живёт здесь, готовит мне еду и заботится обо мне.

Я уверена, что и сама бы прекрасно с этим справилась, но, к сожалению, мама считает иначе: «Тебе двенадцать, Матильда. Лет через пять — другое дело. Но до тех пор в наше с папой отсутствие госпожа Цайглер будет

оставаться на посту. И за это я ей очень благодарна».

Мои родители — Кристина и Томас Бонды — режиссёры-анималисты, известные своими документальными фильмами о редких и экзотических животных. Я привыкла, что из-за работы их часто не бывает дома. И всё же у меня к горлу подкатил здоровенный ком, когда выяснилось, что именно в рождественский вечер они должны отправиться в Австралию. Чтобы снимать фильм о коалах.

— Нам так жаль, Матильда, — с виноватым видом сказал папа. — Мы по-всякому пытались отложить начало съёмок на несколько дней. Но продюсеры и слышать об этом не желали. Мы должны вылететь двадцать четвёртого декабря.

Поэтому Рождество в этом году мы отпраздновали уже двадцать третьего. Двадцать четвёртого Раймунд, муж госпожи Цайглер, отвёз папу с мамой в аэропорт. Я поехала с ними и, прощаясь, сумела не разреветься. Но когда их самолёт взлетел в направлении Австралии, я всё-таки проронила пару слезинок.

Вернутся они только в конце января.

Сегодня двадцать седьмое декабря. Рождественские праздники мы с госпожой Цайглер

большей частью провели перед телевизором, закутанные в тёплые пледы при включённом на полную мощность отоплении. На улице жуткая холодина, и с самого первого дня Рождества снег идёт почти без остановки. За окном, выходящим на террасу, в темноте кружат большие белые хлопья.

— О боже! Неужели она серьёзно собирается утопить его в озере?! Типичная ошибка всех начинающих! — комментирую я, глядя, как жена-отравительница, вытащив мёртвого мужа из багажника, волочит его на берег озера. — Топить труп в озере — полный идиотизм, — объясняю я госпоже Цайглер. — Рано или поздно он всплывёт, и тогда у госпожи Кюммерлинг начнутся неприятности. Судебные медики установят, что человека отравили, а полиция выяснит, в какую плёнку его завернули. Затем они отследят, где эта плёнка куплена. Возможно, кто-то из продавцов вспомнит госпожу Кюммерлинг. И тут ей не поздоровится. А если она к тому же настолько глупа, что платила кредитной картой или заказывала плёнку в Интернете, то ей и вообще не отболтаться. Полиция возьмёт её в оборот, и в какой-то момент она сознается. Ведь каждому известно: убийство может быть идеальным, только если нет трупа. Если бы я хотела

от кого-то избавиться, я бы уплыла на лодке в открытое море и там спихнула его за борт. Или растворила бы в соляной кислоте, и тогда от него остались бы одни зубы. Или проввернула бы дело так, чтобы всё выглядело как несчастный случай: упал с лестницы, прочищая водосточный жёлоб. Или его током удавило. И уж в любом случае я бы обеспечила себе фиктивное алиби. А потом я бы...

— Матильда! — прервав меня, раздражённо стонет госпожа Цайглер. — Ты опять за своё!

— Что такое? — изображая недоумение, интересуюсь я.

— Села мне на ухо! — с упрёком во взгляде говорит она. — Господибоже, ребёнок! Мне всего лишь хотелось спокойно посмотреть, как эта женщина убирает с дороги мужа. Ты же опять трещишь без умолку! Неужели не можешь хотя бы иногда пытаться немного сдерживаться?

— Простите, — смущённо бормочу я и, вжавшись поглубже в мягкий диван, молча продолжаю следить за тем, как какао-убийца устраняет своего супруга.

Будь госпожа Цайглер единственной, кто жалуется на то, что я слишком много болтаю, я не придала бы этому никакого значения. Она и сама не прочь поговорить и часами мо-

жет распространяться о своём муже Раймунде. О том, что он не в состоянии даже омлет себе сделать или туалетной бумагой своевременно заправиться. «Мой Раймунд без меня не выживет», — сетует она в таких случаях. И нельзя сказать, что госпожа Цайглер совсем уж не права. Когда она живёт у нас, её муж дома один и звонит минимум по пять раз на дню, чтобы спросить, где найти то или это. Или как вообще работает посудомоечная машина. Или чтобы признаться жене, что залил кухню. И вид при этом у госпожи Цайглер всегда такой, словно она участвует в одной из серий «Жён-убийц». «В шкафу в прихожей», — ворчит она в трубку. Или: «Включи автоматическую программу». Или: «Господибоже, Раймунд!»

Но я снова заболталась. Пусть даже и мысленно. Я просто ничего не могу с этим поделать: если в голове появляется какая-то мысль, за ней откуда-то тут же выстреливает вторая. Потом третья, и ещё одна, и ещё... Пока на меня не сходит целая лавина мыслей. А в то время как лавина стремительно несётся вниз, совершенно сам собой открывается рот, сообщая мои соображения всем окружающим. Да ещё и с бешеной скоростью.

Не одна госпожа Цайглер считает, что я слишком много говорю. Одноклассников

я тоже порой напрягаю. И двоюродная бабушка Валли, когда приезжала к нам в прошлый раз, получила тахикардию и звон в ушах после того, как я в течение двух часов излагала ей свои мысли на тему «Что лучше — гроб или урна». Но ничего не поделаешь: молчать дольше пяти минут для меня невозможное дело: через три я начинаю задыхаться, а через четыре с половиной голова кажется шариком, который вот-вот лопнет. И тогда просто необходимо дать этому выход!

Вот и теперь моих добрых намерений хватает лишь до той минуты, когда жену-убийцу Кюммерлинг уводят в наручниках — тут из меня бесконтрольно вырывается поток слов:

— Неудивительно, что её схватили! Как можно работать так небрежно?! Полиэтиленовую плёнку покупают не в строительном супермаркете за углом, а где-нибудь, где тебя никто не знает. И в парике. Или хотя бы в тёмных очках. И платят, разумеется, наличными. А самое главное — у продавца не спрашивают, достаточного ли размера плёнка, чтобы в неё завернуть человека! И ещё: этой истории с плёнкой можно избежать, если всё решить прямо на месте. Госпожа Кюммерлинг могла бы пригласить мужа провести отпуск на море и отправиться с ним в романтическую прогул-

ку на лодке. В удобный момент она отоваривает его по черепушке — и он навсегда исчезает в пучине волн. После чего она могла бы изображать скорбящую вдову и рассказывать всем и каждому, что её Норберт оказался за бортом по трагической случайности. И тогда бы она всё наследство...

— Ма-тиль-да! — Госпожа Цайглер жестом чётко даёт понять: заткнись! Затем она показывает на рождественскую ёлку, у которой в эту самую минуту пробуждается от сна Доктор Херкенрат. — Кому-то нужно выйти с собакой!

Она всегда говорит «собака» и никогда — «Доктор Херкенрат». Потому что считает, что это не имя для собаки.

Доктор Херкенрат — это наш кокер-спаниель. У него терракотовая шерсть, трогательные висячие уши и паническая боязнь белок. Мы взяли его из приюта для бездомных собак, когда мне было семь. Он тут же напомнил мне моего детского врача: у них у обоих одинаковый грустный и чуть косящий взгляд. Так Доктор Херкенрат и получил своё имя. И звание доктора. Вероятно, единственный из всех кокер-спаниелей в мире.

— Кому-то нужно выйти с собакой! — повторяет госпожа Цайглер, при этом глядя на

меня так, что не остаётся никаких сомнений, кто этот «кто-то».

— Пойдём, Доктор Херкенрат, — говорю я, вставая с дивана. — Госпожа Цайглер хочет, чтобы мы полчаса поблуждали на морозе и никто не мешал бы ей смотреть вторую серию «Жён-убийц».

Он трусит за мной в прихожую, где я упаковываюсь в тёплую куртку, мельком заглянув в зеркало в поисках рождественских прыщей. За прошедшие дни я уплела горы сладостей, и вообще-то прыщам полагалось расцвести пышным цветом. Но мне пока везёт — за исключением незначительного экземпляра на лбу на этом фронте затишье.

«Ты вылитая мать», — при каждом удобном случае говорит мне госпожа Цайглер. Что касается зелёных глаз и рыжих волос, тут она явно права. Но вот характерная ямочка на подбородке — это, несомненно, папина заслуга.

Я натягиваю шапку с помпоном и, запихнув в карман куртки смартфон, кричу: «Ну, мы, в общем, пошли на улицу насмерть замерзать» и собираюсь уже открыть дверь — как госпожа Цайглер вопит из гостиной:

— Ребёнок! Сюда! Скорее! Они что-то передают про застенчивого сыщика.

